

Сара Ям
Незавершенные
акты
Безудержного
творчества

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
Я 54

Sarah Yahm
UNFINISHED ACTS OF WILD CREATION
Copyright © Sarah Yahm, 2025
All rights reserved

Перевод с английского Ирины Тетериной
Оформление обложки Виктории Манацковой

Ям С.

Я 54 Незавершенные акты безудержного творчества : роман / Сара Ям ; пер. с англ. И. Тетериной. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 512 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-30796-4

Говорят, плохая примета — знакомиться на похоронах. Но именно там встретились Луиза и Леон. Она — дочь последовательницы Фрейда, воспитанной в нью-йоркской ортодоксальной еврейской семье, он — начинающий психотерапевт. На первом же свидании они умудряются вызвать друг у друга неприязнь, однако вторая, почти случайная, встреча все меняет. Так начинается история семьи Розенберг — иногда смешная, иногда до оторопи абсурдная и пронзительная до слез. Все у них складывается хорошо, до тех пор пока Луиза не узнаёт о своей болезни, той самой, что медленно, но неотвратимо свела в могилу мать, и не решает самостоятельно распорядиться оставшимся временем жизни. Чего больше в этом поступке — самоотречения или эгоизма? Трудно сказать, ведь любовь ничем не измеришь, но она всегда сильнее смерти.

Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

© И. А. Тетерина, перевод, 2026
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-30796-4

Часть первая

1974

Заупокойная речь

1974

— Мою мать воспитывали ортодоксальной еврейкой, а когда она выросла, то стала ортодоксальной фрейдисткой, поэтому патологизировала меня с религиозным пылом, — сказала Луиза ничем не примечательному молодому мужчине, который сидел с ней рядом. — Это напрочь искорежило мою психику.

На последней фразе голос надломился, и Луиза ненавидела себя за это. Вообще-то, она собиралась произнести поминальную речь вызывающе, а не жалобно. Текст она мысленно сочиняла на протяжении многих недель и весь день проговаривала про себя — сперва во время службы, потом на нескончаемой шиве¹. Луиза решила, что, раз уж не получилось произнести его в синагоге, можно сделать это за шаббатным ужином у Шошанны Тейтельбаум, присев на уши какому-нибудь поцу, которому не повезет пристроиться рядом с ней.

— Я всегда задавался вопросом, каково это — расти в семье психоаналитика, — с неподдельным

---

¹ *Шива* — семидневный траур в иудейской традиции. — *Здесь и далее примеч. перев.*

интересом произнес мужчина, чье имя вылетело у Луизы из головы, хотя ей, по большому счету, было плевать.

— Довольно дерьмово, — отозвалась та, сделав еще глоток вина.

Он ее перебил, что вызвало у Луизы легкое недовольство. В конце концов, это поминальная речь, а не философский семинар.

— Нет, правда, — сказал мужчина, наклоняясь к ней. — Мне в самом деле интересно знать. Я учусь на психоаналитика, и мне очень хотелось бы заранее подготовиться, чтобы по возможности не искорезить психику моим гипотетическим будущим детям.

Луиза впервые за все время внимательно на него посмотрела. У него была окладистая борода, которая странным образом делала его моложе; кудрявая шевелюра, в эту августовскую жару буйно рвавшаяся ввысь, и решительно несвежая рубашка с бурым пятном на воротничке. Среди облаченных в твидовые пиджаки и колготки Шошанниных гостей он выглядел таким же растрепанным и неуместным, как и она, еще один беженец-неформал, пришедший поужинать на дармовщину в пятницу вечером.

— Как, вы сказали, вас зовут? — спросила Луиза.

— Леон, — ответил тот, протягивая руку.

— А я Луиза, — сказала она, пожимая ее.

— Я помню, — ухмыльнулся он. — Я внимательно слушал, когда нас представляли.

Луиза пожала плечами. Она честно заработала право быть невежливой до конца недели, до конца месяца — может, даже до конца года.

— Ну и каким образом ваша мать искорежила вам психику? — спросил он.

— Ну...

Она запнулась, внезапно смешавшись.

Это не были какие-то отдельные происшествия или предательства. Это было постоянное ощущение, что, где бы она ни находилась и чем бы ни занималась, мать знает самые сокровенные ее мысли. Неослабевающая уверенность в том, что ее череп — всего лишь тонкая, ничего не значащая скорлупка, и мать, вооруженная молотком и стамеской, вечно маячит где-то поблизости, чтобы в любой момент аккуратно вскрыть ее и произвести инвентаризацию содержимого.

Все вокруг поплыло. Луиза сунула в рот кусок халы и с облегчением обнаружила, что ее тело по-прежнему ей подчиняется; что она по-прежнему способна жевать, глотать и чувствовать вкус.

— Не знаю даже, с чего начать, — произнесла она, не обращая внимания на то, что говорит с набитым ртом.

— Может, это просто профессиональная деформация, — предположил Леон. — Потребность анализировать собственных детей.

— О нет. Фрейя Ракофф рамками профессионального долга не ограничивалась. — Луиза почувствовала, как внутри вскипает знакомый гнев,

и все вокруг опять обрело четкость; она пронзила воздух пальцем. — К примеру, моя мать все недомогания считала психосоматикой. Я даже таблетку аспирина от головной боли не могла получить, не признавшись ей, что не так на самом деле. Когда мне было восемь, я заболела скарлатиной, но она списала боль в горле и температуру на проявление сепарационной тревоги, поэтому лишь через неделю отвела меня к врачу.

— Скарлатиной? Серьезно? — поразился Леон. — Ею до сих пор кто-то болеет?

— Нет, — отрезала Луиза. — Только я.

Она посмотрела на лежащую на тарелке грудинку, но от вида холодного жира к горлу подкатила тошнота, поэтому вместо грудинки она сделала еще глоток кьянти.

— И это еще цветочки. Она отправила меня на психотерапию, потому что в детстве я была застенчивой и вызывающе себя вела. Как мне удавалось совмещать одно с другим, не очень ясно, но, по-видимому, как-то удавалось. — Она поставила бокал на стол, чтобы придать своим словам веса, и вино, расплескавшись, окрасило халу в тускло-красный свет. — А психолог, такая грозная немецкая еврейка, каждую неделю задавала мне один и тот же вопрос: «А нет ощущения, что у тебя когда-то был пенис, а потом его отрезали?»

Луиза умолкла, вспоминая темный кабинет миссис Баруш с толстыми коврами и глубокими креслами, которые каким-то непостижимым образом

были одновременно слишком мягкими и слишком жесткими.

— А оно у вас было? — Леон смотрел на нее во все глаза.

— Что было?

Вторая половина Луизиной халы впитала в себя подливку и стала серой и размякшей.

— Ощущение, что у вас когда-то был пенис, а потом его отрезали?

Луиза сощурилась на него:

— Нет, разумеется! Я же не идиотка. Но в конце концов мне в голову пришла мысль: если я скажу, что действительно считаю, будто меня кастрировали, то, может быть, не придется каждый вторник ходить к ней, пропуская театральный кружок. — Луизе показалось, что она слегка переигрывает, но никаких конвенциональных норм произнесения заупокойной речи на званом ужине не было, поэтому она добавила: — И надо же, как только я выда-ла: «Да, миссис Баруш, я и в самом деле думаю, что у меня когда-то был пенис, а потом его отрезали», больше меня к ней не водили.

— Фрейдисты совсем ку-ку, — кивнул Леон; лицо его покраснелось от вина. — Будем честны, иногда сигара — это просто пенис вашего отца, курящий сигару.

Смех Луизы прозвучал как автомобиль, пытающийся перевернуться.

— Иногда, — произнесла она, главным образом чтобы себя развлечь, — сигара — это просто пенис

вашего отца с усами Граучо Маркса¹, курящий сигару.

К ее изумлению, Леон подхватил эту игру.

— Иногда сигара — это просто пенис вашего отца с усами Граучо Маркса и наклейкой для бампера «Эта машина убивает фашистов», курящий сигару².

— Это бред! — запротестовала Луиза, но мужчине удалось произвести на нее впечатление, и оба они это знали. — Как на пенисе может быть наклейка для бампера?

— А как на пенисе могут быть усы? — Он ткнул в ее сторону вилкой. — Ваша очередь.

Она зависла, очутившись где-то между этим столом и старым «фордом» матери в жаркий июньский день. Они ехали в Катскильские горы, и ее голые ляжки прилипали к кожаному сиденью. «Твоя очередь», — сказала мать. Луизе было шестнадцать; они играли в игру «Я иду на пикник», как всегда в долгих поездках, и дошли уже до буквы «л». «Ладно, — сказала она, пытаясь придумать что-то такое, что произвело бы впечатление на мать. — Я иду на

---

¹ *Граучо Маркс* (1890–1977) — американский актер, комик, участник комик-группы «Братья Маркс». Сценический образ Граучо Маркса — очки, черные нарисованные брови, щетинистые усы и сигара во рту.

² «*Эта машина убивает фашистов*» — наклейка на гитаре американского музыканта, исполнителя фолка и кантри Вуди Гатри. С этой гитарой он выступал в 1940-х годах. Фраза была позаимствована у американских рабочих, которые писали ее на своих станках, производивших продукцию военного назначения во время Второй мировой войны, и стала крылатой.

пикник и несу с собой ледоруб, которым убили Льва Троцкого». Но вместо того, чтобы восхититься ее эрудицией, мать обернулась к ней и своим спокойным ровным голосом, который Луиза ненавидела до трясучки, произнесла: «Меня беспокоит твоя латентная склонность к насилию». В этот миг Луиза осознала, что это, разумеется, никакая не игра и никогда игрой не было; что каждое лето, каждый дурашливый раунд, мать исподволь вскрывала ее черепную коробку, аккуратненько долбила ее своей стамесочкой — тук-тук-тук, — чтобы проникнуть внутрь.

— Я жду, — напомнил о себе Леон.

Луиза вонзила ногти в ладонь, ощущая, как контуры ее тела обретают четкость.

— О'кей, о'кей, — произнесла она, но тут долговязый парень заиграл на расстроенной гитаре израильскую народную песню, и перед глазами опять все поплыло, и перестало хватать воздуха.

Гортанные звуки иврита вновь перенесли ее на шиву в гостиную родительского дома (неужели это было только сегодня утром?), когда раввин принялся читать кадиш¹. Луиза стояла и упрямо молчала, глядя на всех этих незнакомцев, по такому случаю в кои-то веки обрядившихся в ермолки и бормочущих вслед за раввином слова молитвы.

«Хватит притворяться! — хотелось завопить ей. — Моя мать всю свою жизнь пыталась сбежать

---

¹ *Кадиш* — молитва в талмудическом иудаизме.

от иудаизма. Не надо навязывать его ей после смерти. Может, я ее и ненавидела, но, по крайней мере, я ее знала!»

И тут, прямо посреди кадиша, она согнулась по полам, хватая ртом воздух, потому что внезапно поняла: теперь, когда матери не стало, она по-настоящему не знает ни одной живой души на земле. Они изучали друг друга два десятилетия, пока каждый жест, каждая пауза, каждый взгляд не оказались нагружены разделенным значением и тщательно возвращенными взаимными обидами. И хотя всем, чего Луиза хотела всю свою жизнь, была свобода, теперь, получив ее, она осталась совершенно, абсолютно одна.

Чтобы продышаться, ей пришлось выйти из комнаты, и, едва она выскользнула в кухню, включилась мышечная память. Не успела Луиза опомниться, как уже неслась вниз по лестнице, ведущей в подвал, потом выскочила через заднюю дверь и, пробравшись теми же самыми дворами, что и каждые выходные в подростковом возрасте, села в поезд до города. А потом каким-то образом очутилась здесь.

Шошаннины гости отложили ножи с вилками и принялись подпевать, отбивая рваный ритм ладонями по столу. Ее стакан звенел, вода норовила выплеснуться через край. Пение гудело в ушах и жалило кожу. Ее тело требовало движения — Луиза повернулась к Леону.

— Кажется, он намекает, что мне пора, — произнесла она, кивнув на посредственного музыканта и усилием воли сдержав дрожь в голосе.

— Я выйду с вами, — отозвался он с полным ртом грудинки.

На улице было тихо. Они неловко топтались перед домом Шошанны под осуждающими взглядами гаргулий. Ей не хотелось возвращаться в свою конуру в центре. Перспектива в одиночестве сидеть в тесной спальне вызывала желание съежиться в комочек прямо тут, посреди Вест-Энд-авеню. Что ей сейчас было нужно, так это зоологическое утешение другого человеческого тела.

— Не хотите пройтись? — предложил Леон, глядя себе под ноги.

Она слишком устала, чтобы нянчиться с его застенчивостью.

— Я очень признательна вам за старомодную галантность, но давайте просто поедем к вам?

В повисшей следом тишине Луиза успела подумать, что, наверное, просчиталась, и под ее напускной бравадой он чувствует отчаяние, подобное пробивающемуся запаху пота.

— Ого, — сказал Леон. — А вы не любите ходить вокруг да около.

— Нет, — отозвалась Луиза. — Не люблю.

Она взяла его за руку и сжала ее.

— Не знаю даже, пугает это меня или радует, — произнес Леон, но она была сосредоточена на плотской реальности его руки, теплой и надежной.

В глубине души она боялась, что та окажется холодной и безжизненной, поскольку в тот же миг, как

она увидела труп матери, ее накрыло безжалостным осознанием, что человеческое тело — это всего лишь мясо.

Леон сжал ее руку в ответ, и Луиза ощутила, как ее собственная теплая плоть отзывается на это пожатие, с облегчением почувствовав, что ее кровь течет и пульсирует, течет и пульсирует, течет и пульсирует, каждым толчком сердца напоминая, что она реально существующая девушка в реально существующем теле.

Потом, поздним вечером, они лежали в постели в квартире Леона, передавая друг другу картонную банку с мороженым «Хаген-Дас». Хотя был август, Луиза дрожала.

— Дать тебе плед? — спросил Леон.

Луиза кивнула — Леон откинул одеяло, гольшом присел перед шкафом и без малейшего стеснения принялся рыться в коробках, предоставив ей возможность любоваться его задницей и болтающейся мошонкой. Луиза с удивлением отметила, что это зрелище не вызывает у нее отвращения. Он вернулся с пледом в радужную полоску, слегка пахшим захлабленностью, и бережно укутал ее, прежде чем выйти из комнаты и скрыться за дверью отвратительной крохотной уборной.

Оставшись в постели в одиночестве, она почувствовала, что снова начинает растворяться, пока не повернулась на другой бок и не ощутила, как в задницу ей впилось что-то острое и неоспоримо ре-

альное. Несколько секунд повозившись, она вытащила блокнот на пружине, конец которой разогнулся и торчал. Она знала, что не следует этого делать, но все равно пролистала страницы. Рисунки показались ей бессмысленными, но были объективно очень красивы — карты Нью-Йорка, начерченные в средневековой манере; скопище чудищ в подземных туннелях; каменная башня, покрытая загадочными символами; женщина со злыми глазами в цветастом халате и с сигаретой во рту; дракон, застывший в воде у берегов Кони-Айленда. На каждой странице в левом верхнем углу значилось чье-то имя. Луиза взглянула на обложку, на которой округлым каллиграфическим почерком было выведено «Карточки пациентов». Ей вспомнились карточки, которые вела на своих пациентов мать, — разлинованные блокноты, исписанные убористым курсивом, в котором буквы жались друг к другу, точно измученные беженцы. Леон спустил воду в туалете и принялся чистить зубы. Она поспешно затолкала блокнот обратно под одеяло разогнувшейся проволокой от себя.

— Готов ко сну? — спросила она, приподнимая краешек пледа.

Он плюхнулся на кровать и прижался к ее боку. Она позволила ему уснуть, уткнувшись носом ей в грудь, но сама не спала: слушала шум такси на Амстердам-авеню и думала о том, какие образы роятся в ее голове — что нарисовал бы Леон: виолончель, прислоненную к окну; женщину, стоящую

в дверном проеме с воздетыми кверху ладонями; вскрытую черепную коробку с мыслями, распятыми, точно бабочки, на пробковой доске.

В ту ночь Луизе приснилось, что она в постели Леона, но на самом деле это был кораблик, который швыряли туда-сюда волны. Они с Леоном ласкали друг друга, как до этого вечером, но, когда она наклонилась, чтобы взять в рот его пенис, то увидела фигуру, сидящую в шезлонге в углу спальни. Она вглядывалась сквозь заросли лобковых волос Леона, пока расплывчатый силуэт не обрел четкость. Это оказалась ее мать, одетая для круиза или отпуска где-нибудь на модном курорте в струящуюся хламиду и сандалии. Однако волосы ее были собраны в тугий пучок, который она носила на работу, а на переносице красовались очки. Она внимательно наблюдала за Луизой с Леоном и время от времени делала пометки в своем желтом разливном блокноте.

— Фелляция — одна из наиболее примитивных форм сексуальности, Луиза. Впрочем, нет ничего удивительного в том, что после смерти матери ты регрессировала к оральной фазе. К психосексуальному переоткрытию соска.

Луиза хотела ответить, но пенис Леона во рту разбух, мешая говорить. Мать продолжала, размазывая по обнаженным рукам молочко для загара:

— Я также нахожу весьма любопытным то обстоятельство, что ты встречаешься с чередой неподходящих мужчин, а потом, стоит мне умереть,

немедленно прыгаешь в койку с еврейским психотерапевтом из Квинса, который учится в моей альма-матер. И снова я повторяю: психосексуальный возврат к соску. Но это не сработает, — добавила она, словно запоздало спохватившись, и завинтила крышечку на молочке для загара. — Все, кроме нас с тобой, чужаки.

Лодка резко накренилась, и Луиза откатилась от Леона. В рот ей хлынула соленая вода.

Она проснулась резко, как от толчка, почти ожидая увидеть мать, но вместо нее увидела Леона — он стоял в дверях, протягивая ей кофе в щербатой голубой кружке. На мгновение Луизе показалось, что кровать так и осталась лодкой. Она уселась, натянув одеяло до подмышек, чтобы прикрыть грудь, и попыталась стряхнуть с себя остатки сна. Леон улыбнулся ей. Его кудрявые волосы пушистым ореолом окружали голову. Во рту у Луизы по-прежнему стоял привкус соленой воды, точно желчь, подкатывавший к горлу. Она подумала, что надо уходить.

— Мне было хорошо прошлой ночью, — произнес Леон, но улыбка уже понемногу отступала при виде безучастного выражения на лице Луизы.

Он поморщился, как будто заранее жалел о том, что собирался сказать.

— Мне понравилось заниматься с тобой любовью.

В висках у Луизы застучало. А они занимались любовью? Она понятия не имела, что он вкладывал в эти слова. От него исходило ощущение надеж-

ды, которое она чувствовала как что-то осязаемое через всю комнату. «Все, кроме нас с тобой, чужаки».

— Ненавижу это выражение, — сказала она.

— Какое выражение?

— «Заниматься любовью».

— А что с ним не так? — ровным тоном спросил Леон, все еще пытаясь спасти положение.

— Это эвфемизм, вот что с ним не так.

— И что, по-твоему, я должен был сказать? «Я доволен, что прошлой ночью мы трахались. Давай потрахаемся еще раз»? — Леон скрестил руки на груди.

Луизе показалось, что даже кудри у него на голове завились туже в целях самозащиты.

— Да. — Луиза откусила это слово и держала во рту, пока горечь не расплзлась по всему нёбу и не стекла в горло, окончательно перебив вкус соленой воды. — Идеальная формулировка.

Вот теперь она полностью проснулась. Спор изгнал все остатки сна.

— Ты только вчера со мной познакомился. Может, я даже тебе и нравлюсь, хотя, судя по выражению лица, ты уже далеко не так в этом уверен. Но ты совершенно точно меня не любишь. Эвфемизмы — скользкая дорожка. Она начинается с чего-нибудь маленького и невинного, вроде «заниматься любовью» вместо «трахаться», а потом ты не успеваешь оглянуться, как уже говоришь «уйти» вместо «умереть»...

Она ненавидела эту фразу — как будто смерть была нежной, как будто тела перемещались из од-

ного измерения в другое, а не превращались в нечто разлагающееся и кишашщее червями, беспощадное и неприглядное. Ее ноздри наполнились сладковатым запахом гниения, которым была пропитана комната ее матери. Неужели прошло всего четыре дня с тех пор, как она сидела там в ожидании и надежде, что ее мать умрет уже наконец, в то время как та хрипела и отчаянно хватала ртом воздух? Удушье, так называли это врачи.

Луиза сделала глубокий вдох, наполняя свои недостойные здоровые легкие кислородом, потому что единственное, что было реальным, — это удушье, а не мучительные поиски нежности.

— «Уйти» вместо «умереть», — повторила она, потому что сбилась с ритма. — «Эвтаназия» вместо «добивания калек».

Леон закатил глаза, в мыслях уже явно доведя этот спор до единственно возможного логического конца. Луиза понимала, что надо бы остановиться, но уже не могла.

— ...а потом уничтожаешь евреев и называешь это «окончательным решением еврейского вопроса».

Леон с отвращением покачал головой:

— Господи Иисусе, Луиза, если ты не хочешь больше меня видеть, просто так и скажи. Не нужно уподоблять меня Гитлеру. — С преувеличенной осторожностью, как будто протягивал кусок мяса дикому зверю, он поставил кофе на прикроватную тумбочку. — Когда будешь уходить, прощаться не обязательно.

С этими словами он поспешно вышел из комнаты, оставив голую Луизу в одиночестве под радужным пледом. Она изо всех сил старалась не представлять себе обиженное лицо, с которым он расхаживал по гостиной за стеной.

Ее платье комком валялось в углу. На нем отчетливо виднелось жирное пятно — по всей видимости, смесь красного вина с цимесом¹. Она торопливо оделась и проскользнула из крохотной спальни в такую же крохотную уборную, расположенную по другую сторону узкого коридора. Потом пошарила по полкам аптечного шкафчика в поисках аспирина, но его там не обнаружилось.

«Ну разумеется, — подумала она. — Всю мою чертову жизнь мне приходится ужом изворачиваться, чтобы раздобыть аспирин».

Пузырек наконец отыскался под раковиной, за запасным рулоном туалетной бумаги, и Луиза всухую проглотила две таблетки, после чего опустилась на стульчак и обхватила голову руками.

А дома сейчас, наверное, раздают бейглы со сливочным сыром по случаю второго дня материной шивы. Луиза взяла заскорузлое полотенце и завесила зеркало, потом сделала глубокий вдох и вышла в гостиную.

Леон старательно делал вид, что читает «Таймс», пока она бродила по комнате в поисках своих босоножек и холщовой сумки с логотипом журнала

---

¹ *Цимес* — традиционное новогоднее блюдо еврейской кухни, сладкое рагу из овощей.

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

САРА ЯМ

НЕЗАВЕРШЕННЫЕ АКТЫ БЕЗУДЕРЖНОГО ТВОРЧЕСТВА

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редактор Ольга Дервенева
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Юлия Теплова, Людмила Дубовая

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 13.05.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 31,36. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-BRM-39997-01-R